

<http://spero.socpol.ru>

№1. Весна 2004

Журнал издается Независимым институтом социальной политики

<http://www.socpol.ru>

Редакционная коллегия

Главный редактор	Малева Татьяна Михайловна , к.э.н., директор НИСП
Зам. главного редактора	Синявская Оксана Вячеславовна , к.э.н., зам. директора НИСП, директор программы международного сотрудничества НИСП
Ответственный редактор	Добрякова Мария Сергеевна , к.соц. н., директор публикационной программы НИСП

Координаты редакции

Москва, Глинищевский переулок, д. 3

Тел.: (095) 786 6718

Факс: (095) 292 9651

E-mail: spero@socpol.ru

Редакционный совет журнала

Сильванская Марина Павловна (<i>председатель</i>)	к.и.н., Московский центр Карнеги, консультант журнала <i>Pro et Contra</i> Московского центра Карнеги
Аузан Александр Александрович	д.э.н., профессор, Президент Института Национального проекта «Общественный договор», Президент Международной конфедерации обществ потребителей
Васильев Сергей Александрович	д.э.н., представитель в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от правительства Ленинградской области, Председатель Комитета Совета Федерации по финансовым рынкам и денежному обращению, научный руководитель Международного центра социально-экономических исследований «Леонтьевский центр»
Вишневский Анатолий Григорьевич	д.э.н., действительный член РАЕН, руководитель Центра демографии и экологии человека ИНП РАН, главный редактор информационного бюллетеня «Население и общество», главный редактор электронного еженедельника «Демоскоп Weekly»
Малева Татьяна Михайловна	к.э.н., директор НИСП, главный редактор журнала
Полетаев Андрей Владимирович	д.э.н., профессор, заместитель директора Института гуманитарных историко-теоретических исследований ГУ-ВШЭ, заведующий сектором Института мировой экономики и международных отношений РАН
Ясина Ирина Евгеньевна	к.э.н., директор проекта РОО «Открытая Россия»

Содержание

От главного редактора	4
<u>Экспертное мнение</u>	
Гонтмахер Е. Ш. Российская социальная политика как сфера взаимной ответственности государства, бизнеса и гражданского общества	6
Малева Т. М. Социальные страты и социальная политика в современной России.....	14
Шахнович Р. М., Юдашкина Г. В. Влияние локального рынка труда на формирование спроса на труд в условиях экономического роста	26
<u>Мнение зарубежных экспертов</u>	
Квист Дж. Социальные реформы в скандинавских странах в 1990-е годы: использование теории нечеткого набора для оценки соответствия идеальным типам.....	41
<u>Социальное законодательство</u>	
Синявская О. В. Основные векторы развития законодательства в отношении инвалидов в 2000–2004 гг.	67
<u>Новое в аналитике: обзор научных публикаций</u>	77
<u>Календарь событий</u>	8

СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАТЫ И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Малева Татьяна Михайловна,

к. э. н., директор Независимого института социальной политики (НИСП)

Социальная политика 1990-х: исторический экскурс

Роль человеческого фактора и социальной политики возрастает во всем мире. Возрастает также понимание и признание этого факта. Современная Россия не является исключением. Между тем, хотя эти проблемы в российском обществе в последние годы вызывают повышенный интерес, само понятие «социальная политика» по-прежнему не определено и дискуссионно. Границы возможностей и ответственности социальной политики не очерчены – ни в научном, ни в общественном, ни в политическом смыслах. Смешаны два понимания: практически у любого действия в экономической сфере есть (или могут быть) социальные последствия. Совершенно очевидно, что, например, приватизация внесла определенную лепту в процесс доходной и имущественной дифференциации общества. Однако само по себе это еще не социальное действие и не социальное реформирование. С другой стороны, есть необходимость в реформировании самих институтов социальной сферы, а у этих преобразований есть экономическая цена. Пример тому – реформы в области здравоохранения, образования, социальной защиты населения и пр. Первое и второе – не одно и то же. В общественном же сознании и часто даже в научном понимании эти процессы не разделяются, а воспринимаются синкретично. Опасность, однако, в том, что в подобной неопределенности в отношении социальной политики возникают неоправданные социальные ожидания.

В России 1990-х с точки зрения формирования социальной политики можно выделить два этапа. Первый этап, который приходится на первую половину 1990-х, в большей степени связан именно с первым обстоятельством: социальная политика в основном имела дело с последствиями экономических преобразований и выстраивала свои институты как реакцию на экономические реформы и на изменение принципов финансирования социальной сферы. Сами социальные реформы по существу стояли на месте. Могут быть разные точки зрения на социальные процессы в этот период. Был ли коридор возможностей? Очевидно, да. Очевидно, в социальной политике можно было бы пойти по иным траекториям. Но история не знает сослагательных наклонений. Ясно одно – первые кабинеты правительства действовали без оглядки на социальную сферу. Социальная сфера не представляла политической опасности, и это дало возможность для реализации целого ряда экономических реформ. Более того, эти предположения внешне оправдались. Драматическое падение уровня жизни, которое имело место в этот период для подавляющего числа россиян, рост социальной и доходной дифференциации, на которую Россия потратила всего три года в противовес, например, США, которым потребовался для такого же разрыва почти три десятилетия, развитие открытой и скрытой безработицы, разрушение прежних социальных схем в отсутствие новых и пр. – в этом контексте пророчества о социальном взрыве не выглядели фантастическими. Однако взрыва не произошло, население продемонстрировало редкую социальную толерантность, и в этом смысле нужно отдать должное интуиции власти. Между тем, за этим внешним политическим благополучием кроются драматические изменения, которые коротко можно сформулировать следующим образом: все экономические субъекты, и население в том числе, нашли свою нишу в новых институциональных координатах и выработали адаптационные схемы поведения.

На рубеже 1996–1997 гг. начался второй этап в формировании социальной политики. Отношение к ней изменилось: от деклараций о приоритете социальных проблем власти действительно обратили свой взор к социальной сфере. Что послужило причиной изменения

этого отношения? Видимо, прагматичность. К середине 1990-х годов созрело понимание, что в финансово-бюджетных терминах поддержание социальной сферы в том виде, в котором она сложилась к этому моменту, – дело дорогостоящее. Стало очевидным, что драматические демографические события, неразвитые институты социальной сферы, неблагополучные социальные процессы, особенно в сфере доходов населения, и прочие негативные факторы стали тормозом для дальнейшего экономического роста. В середине 1990-х годов по существу было очевидно лишь одно крупное экономическое достижение – достижение финансовой стабилизации. На рубеже 1995-1996 гг. удалось преодолеть гиперинфляцию, однако финансовая стабильность – еще не гарантия экономического роста, а лишь ее предпосылка. Нужны были новые идеи и источники экономического роста. Стало ясно, что многие из этих источников кроются именно в социальной сфере. Такие социальные реформы, как новое трудовое законодательство, пенсионная реформа, развитие страховых институтов в здравоохранении, реформа образования и пр., по своему внутреннему содержанию представляют собой крупнейшие институциональные реформы.

Социальная политика любого государства должна опираться на более или менее точное представление о социальной структуре общества, на поддержку и развитие которого она направлена. Только в этом случае можно попытаться оценить ее итоги и перспективы.

Так как же выглядит социальная пирамида российского общества спустя 13 лет после начала институциональных и экономических реформ? За этот период были осуществлены крупнейшие преобразования, изменившие всю архитектуру российской экономики и российского общества. Однако вновь и вновь задаются вопросы: каковы результаты реформ? каковы их уроки? каковы их перспективы?

В поисках среднего класса...

К числу остро дискуссионных вопросов относится и проблема среднего класса в современной России. Оно и неудивительно. Факт формирования среднего класса можно было бы рассматривать в качестве важного свидетельства и даже критерия эффективности реформ, который свидетельствует о прочности всей системы экономических, социальных и политических институтов. И наоборот, отсутствие среднего класса можно было бы воспринимать как символ неудачи социально-экономических преобразований в России. Именно в силу политического характера проблема среднего класса окутана густой оболочкой предрассудков и мифов.

До сих пор предпринимаются попытки опровергнуть существование среднего класса в России. Есть и попытки постановки «русской пьесы в голливудских декорациях» – желание найти в российских реалиях социальные группы, которые как братья-близнецы похожи на западноевропейский или американский средний класс. Продолжающаяся в академических кругах теоретическая дискуссия о сущности среднего класса в трансформирующемся обществе не в состоянии дать ответа на вопрос о том, насколько успешно происходит (и происходит ли вообще) формирование среднего класса в современной России. Сейчас слово – за эмпирическими исследованиями.

Несколько месяцев назад вышла в свет коллективная монография «Средние классы в России: экономические и социальные стратегии»¹. Книга базируется на масштабном репрезентативном социологическом обследовании населения, охватившем 5 тыс. российских домохозяйств, которые представляют 12 регионов России. Благодаря этому исследованию

¹ Средние классы в России: экономические и социальные стратегии / Авторский коллектив: Аврамова Е. М., Малева Т. М. (руководитель), Михайлюк М. В., Ниворожкина Л. И., Овсянников А. А., Овчарова Л. Н., Радаев В. В., Рощина Я. М., Сурков С. В., Фирсова Н. Ю. Московский центр Карнеги. М.: Гендальф, 2002.

сегодня удалось познать некоторые тайны и, хотя бы отчасти, развеять тот туман, которым сопровождается общественная дискуссия вокруг проблемы российского среднего класса.

Как определить, что такое «средний класс»? Если мы спросим об этом экономиста, он даст определение в терминах дохода или, в лучшем случае, в терминах материальных активов. Социологи разделятся на две группы. Первые назовут средним классом людей с относительно высоким уровнем образования и должностным положением. Другие на первый план выдвигают критерий самоощущений, так называемую социальную самоидентификацию. Кто же из них прав?

Наверное, в эволюционно развивавшихся рыночных экономиках такой проблемы либо не существует, либо она не имеет подобной остроты. Все перечисленные критерии обладают высокой консистентностью: люди с высшим образованием обладают высокой конкурентностью на рынке труда и в других экономических сферах, имеют высокий доход (неважно – трудовой или предпринимательский) и, как результат, высоко оценивают свой статус в обществе. В конечном итоге все сходится на одних и тех же социальных группах, и столь сложная методологическая задача, как та, которая стоит перед нами, решается относительно легко. Не случайно преобладающим подходом в современной западной науке является доходная стратификация, построенная на вычленении групп населения по уровню материальных активов. Между тем, в современной России эта проблема существует. Неудивительно, что представления о границах и составе этого слоя существенно варьируются, и различные исследователи оценивают их на уровне от 15 до 60-70% населения страны. И проблема вовсе не в том, что они используют различные эмпирические базы, иногда сомнительные, как было уже упомянуто выше. Глубинная причина – в том, что все исследователи вкладывают различный смысл и пользуются различными определениями среднего класса. Не будем спорить – данный феномен многогранен, противоречив и сложен, как и судьба самого термина «средний класс». Есть все основания согласиться и с первым, и со вторым, и с третьим. А вывод прост: средние классы не могут быть описаны одним интегральным критериальным признаком. Средние классы – социальная совокупность, характеризующаяся цепочкой признаков, к которым относятся: *материальные ресурсные признаки* – уровень доходов (расходов, потребления); объем накопленных сбережений; уровень имущественной обеспеченности; *нематериальные ресурсные признаки* – уровень образования, профессионально-квалификационная позиция, должностная позиция; *признаки социального самочувствия (самоидентификация)* – стратегии успешного экономического поведения; самооценки успешности адаптации к новым экономическим условиям; самооценки комфорта нынешней жизни и пр.

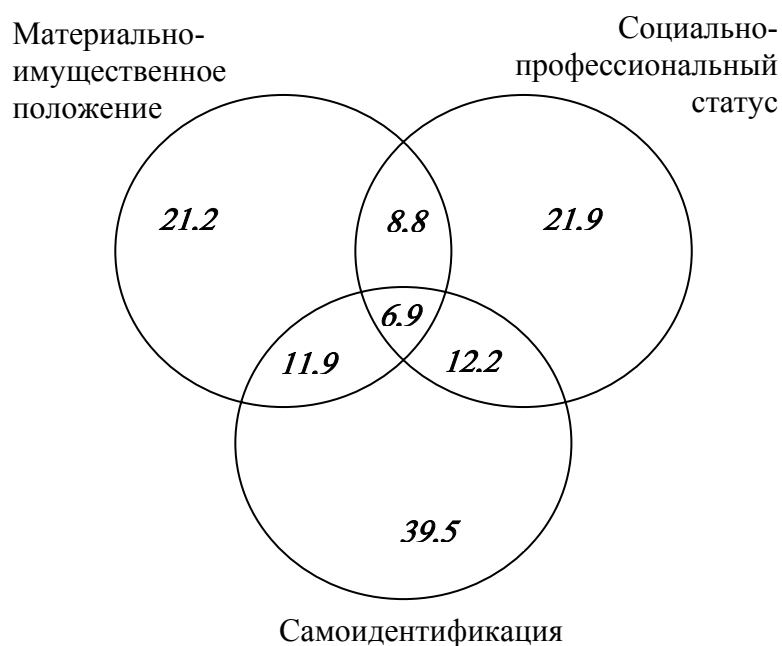
Как показало исследование, с точки зрения социально-профессиональных позиций к среднему классу относятся 21,9% домохозяйств, по материальному положению – 21,2%, а по самоидентификационным оценкам – 39,5%.

Но что же в итоге? Какой же из этих классов можно назвать средним классом? Все три? Или только один? Какой из критериев имеет приоритетное значение? А может быть, это одни и те же домохозяйства и люди, которые одновременно обладают необходимым набором профессиональных характеристик, относительно материально обеспечены и чувствуют себя в социальном пространстве, как подобает представителям среднего класса? Если в отношении первых двух параметров подобная гипотеза является допустимой (бросается в глаза подозрительное совпадение количественных оценок – 21,9% и 21,2%), то их значительный разрыв с показателями самоидентификации, согласно которым к среднему классу относится почти 40% домохозяйств, сразу же заставляет отнестись к ней с большим сомнением. Логично допустить, что часть домохозяйств, действительно, является счастливым обладателем всех перечисленных характеристик, другая – только какими-либо двумя, а третьи являются носителем лишь одного из критериальных параметров. Кто же из них представляет собой «настоящий» средний класс?

На пересечении этих признаков находится около 7% российских домохозяйств, то есть семьи, обладающие всеми базовыми характеристиками среднего класса. Это бесспорный и наиболее стабильный средний класс, так называемое «ядро средних классов».

Вместе с тем группа домохозяйств, обладающих только двумя характеристиками, настолько близка к средним классам, что нельзя не принимать их во внимание, особенно, если мы хотим не только зафиксировать масштаб сегодняшнего среднего класса, но и попытаться понять, каковы перспективы его расширения, при каких условиях в него могут влиться новые социальные слои и какие именно из этих социальных слоев имеют наилучшие шансы. Двумя (любыми) признаками среднего класса обладают 12% российских семей. В результате обобщенный средний класс можно оценить в 19% от общего числа семей (см. рис. 1).

Рис. 1. Средние классы – эмпирическая структура, %

Много или мало?

Итак, средние классы составляют около 20%. Много это или мало – зависит от угла зрения. В любом случае эти результаты опровергают тезис «В России средних классов нет», как, впрочем, и антитезис «Подавляющее большинство россиян – средний класс».

20-процентная доля средних классов, хотя и уступает аналогичным оценкам размеров средних классов в развитых рыночных экономиках (60-70%), все же, на наш взгляд, достаточно весома, чтобы не замечать факт существования средних классов в современной России.

С другой стороны, тот факт, что лишь немногим более 50% российских домохозяйств обладают базовыми характеристиками, присущими среднему классу, не дает оснований и для излишнего оптимизма. Ведь по существу полученная конфигурация средних классов означает следующее. Общепринятой или, по меньшей мере, доминирующей, является точка зрения о том, что причиной резкого сокращения численности среднего класса в России стало драматическое падение доходов и качества жизни населения, которое привнесли экономические реформы начала 1990-х годов. Подтверждая действительно существенную

дефицитность этого ресурса, все же обратим внимание на то, что это отнюдь не единственная причина. Не менее значимым является факт, что социально-профессиональные параметры среднего класса отнюдь не так распространены, как следует из часто повторяемого утверждения, что Россия – страна с высокообразованным населением. Дефицитны оказались и наличие высшего образования, и, по-видимому, его качество, раз оно не дает возможностей найти высокооплачиваемую и престижную работу. В частности, весомая группа домохозяйств (21%) с довольно благополучным материальным положением и высокими самоидентификационными характеристиками тем не менее не может войти в обобщенный средний класс по той причине, что профессиональный статус его членов не просто не отвечает уровню, присущему средним классам, но оценивается как низший. И этот сегмент значительно больше, чем «потери», вызванные недостаточностью других критериальных признаков – материального положения (7,1%) и самоидентификации (3,3%).

Подтверждается, пожалуй, лишь социальный феномен, и ранее отмечавшийся российскими социологами: «субъективный» средний класс значительно превышает масштабы среднего класса «объективного», измеряемого уровнем благосостояния и социально-профессиональными характеристиками.

По-видимому, 50% – это максимальная оценка потенциала среднего класса в обозримой перспективе при условии успешного социально-экономического развития страны. Именно эти социальные группы, относящиеся сегодня к средним классам лишь частично, не утратили шансов на перемещение в ядро средних классов и превращение в полноценный стабильный и уверенный средний класс.

Эмпирические измерения дают основания для большого числа нетривиальных заключений.

- Лишь немногим более трети домохозяйств (8,8% из 21,9%), обладающих набором признаков среднего класса с профессионально-социальной точки зрения, имеют удовлетворительное материальное положение. В упрощенных терминах это означает, что лишь треть образованных научилась зарабатывать.
- С другой стороны, не более трети российских семей с достатком (8,8% из 21,2%) имеют достаточно сильные профессиональные позиции. Опять же упрощая, можно сказать, что только треть умеющих зарабатывать, достаточно образованы.
- Чуть более половины среднеобеспеченных семей (11,9% из 21,2%) относят себя к средним классам. Таким образом, материальный достаток далеко не для всех является гарантией высокой социальной самооценки.
- Меньше трети семей (11,9% из 39,5%), субъективно относящих себя к средним классам, имеют на то объективные основания, если судить по уровню их материального положения. Иначе говоря, субъективный средний класс значительно шире среднеобеспеченных групп населения.
- Также немногим более половины домохозяйств (12,2% из 21,9%) с социально-профессиональными характеристиками, присущими среднему классу, уверенно относят себя к таковому. Тем самым, образование и профессия не всегда являются основанием для высокой самооценки.
- Меньше трети «субъективных» средних классов (12,2% из 39,5%) объективно таковыми являются с социально-профессиональных позиций. Другими словами, субъективный средний класс существенно превосходит по размеру социально-профессиональный средний класс.

Все это вместе говорит о высокой неконсистентности критериев, по которым идентифицируются российские средние классы, что в свою очередь, свидетельствует о крайней незрелости социально-экономической структуры как самих средних классов, так и общества в целом. Действительно, общество, где лишь треть образованных научилась

зарабатывать и, наоборот, только треть умеющих зарабатывать достаточно образованы, далеко отстоит от идеалов стабильного и экономически эффективного социума, где наличие высшего образования служит достаточно прочной гарантией занятости и относительно высоких доходов, что, в свою очередь, автоматически ведет к высокой самооценке своего социального положения. Ярко выраженная рассогласованность, «размытость» и разнонаправленность базовых социально-экономических характеристик среднего класса, которые в идеале должны были действовать одновременно и в этом случае выступали бы гарантией формирования не только массового, но и стабильного среднего класса, – вот, пожалуй, главный вывод, который следует из эмпирических измерений средних классов в России.

Средние классы и другие... (эскиз российской социальной пирамиды)

Итак, средние классы в России, хотя и невелики по своему размеру, все же существуют. Проблема, однако, не исчерпывается констатацией этого факта. Гораздо более важным является вопрос о том, каково социальное окружение средних классов? Какие социальные слои (классы, группы) имеют шансы на приближение или вхождение в средние классы? И кто, наоборот, является аутсайдером? Наконец, эти слои необходимо выделить, чтобы ответить на вопрос, чем же принципиально отличаются средние классы от остальных.

Низшие слои составляют немногим более 10% от числа российских домохозяйств. С точки зрения материального положения эти семьи находятся за чертой бедности. Взрослые члены этих семей не обладают высшим образованием, тем самым, мало конкурентоспособны на рынке труда или же обречены на занятость на низкооплачиваемых и непрестижных рабочих местах. Наконец, они не испытывают иллюзий по поводу своего социального положения, относя себя к низшим слоям общества.

В отношении же прочих диагнозов неочевиден. Очевидно только то, что между средними классами и низшими слоями находится группа, занимающая промежуточное социальное положение, которую можно описать формулой «уже не низшие, еще не средние»². И их в России подавляющее большинство – 70% от общего числа российских домохозяйств (см. рис. 2). Эта часть населения обладает некоторыми социальными и экономическими ресурсами и, следовательно, шансами на перемещение в ядро среднего класса. Сегодняшние исследования показывают, что из 70% российских домохозяйств из этой группы у 33% этих шансов больше, у 37% – меньше (см. рис. 3).

Таким образом в общих чертах российская социальная структура сложилась на рубеже 1990–2000 гг., т.е. на этапе смены двух экономических стадий и перехода от экономического падения к этапу экономического роста³.

Динамика доходов населения на этапе экономического роста: политические альтернативы

Хотя упомянутое исследование ставит под сомнение общепринятую точку зрения, согласно которой единственной причиной неразвитости российского среднего класса является низкий уровень доходов населения, все же этот фактор заслуживает того, чтобы на нем остановиться подробнее. Ведь общественная рефлексия и социальная напряженность по этому поводу не спадает на протяжении десятилетия.

² В терминах западной методологии эту группу уместно назвать *lower middle*.

³ Напомним, что обследование населения, по результатам которого выстроена стратификационная структура, проводилось в ноябре-декабре 2000 г.

Рис. 2. Укрупненные социальные страты в современной России

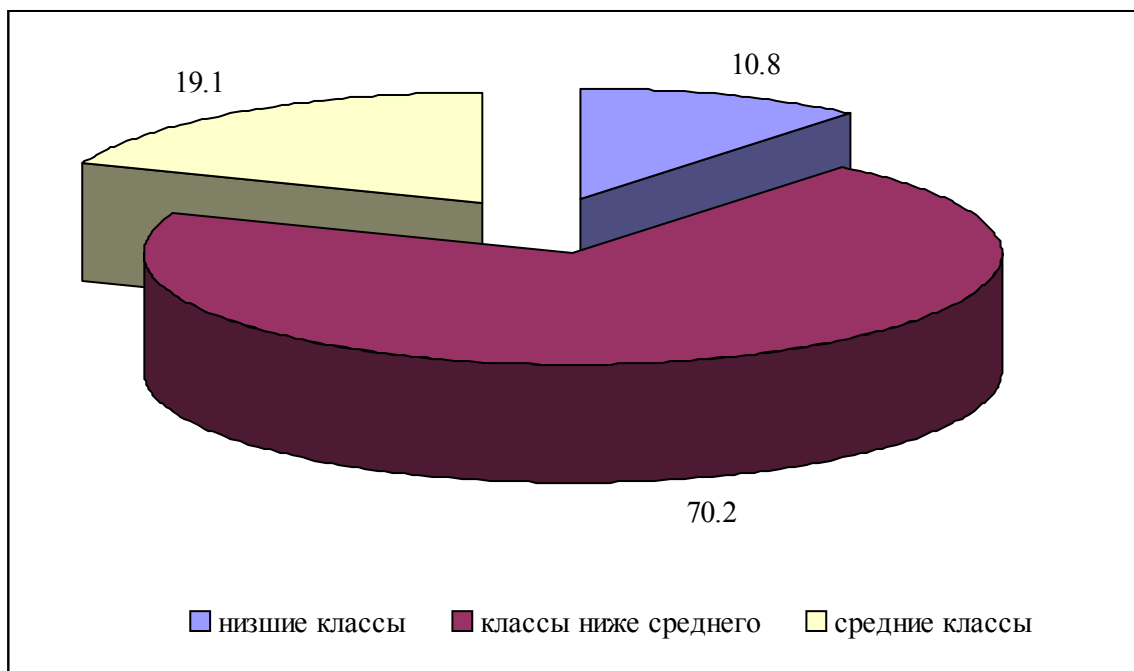
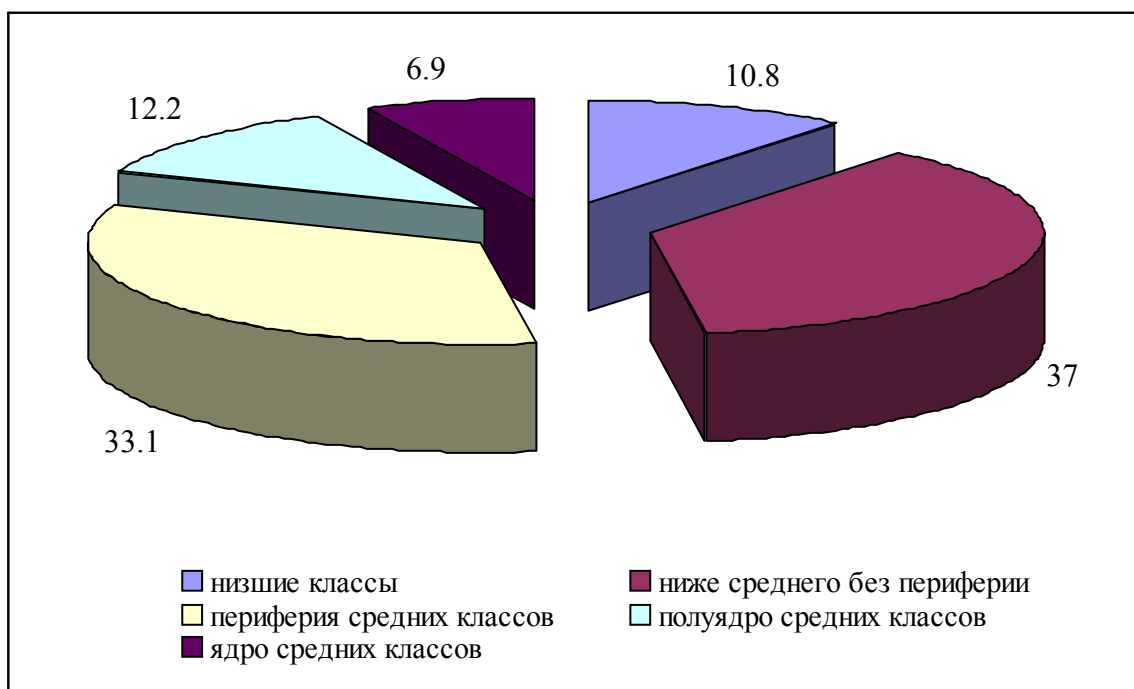

Рис. 3. Детализированные социальные слои, % от общего числа домохозяйств

Является ли экономический рост гарантией роста доходов населения? Утвердительный ответ на этот вопрос обычно воспринимается как само собой разумеющееся, и результаты последних лет, казалось бы, дают дополнительный аргумент в его пользу. Действительно, экономические и социальные итоги 2000–2003 гг. могли бы внушать оптимизм (см. табл. 1). На фоне относительно высоких темпов экономического роста динамика реальных доходов населения оказалась еще более внушительной и, например, по предварительным итогам 2003 г. составила 114,5% по сравнению с предшествующим годом. В этом отношении последние четыре года – пример сочетания двух подходов: с одной стороны, положительная экономическая динамика привела к оживлению в ряде экономических

секторов и, как следствие, к росту оплаты труда и доходов занятых в них работников; с другой стороны, рост доходов государственного бюджета, расширение налоговой базы, улучшение налоговой дисциплины позволили правительству осуществить ряд социальных мероприятий, а именно: индексацию минимального размера пенсий и минимальной оплаты труда в бюджетной сфере экономики.

Между тем, положительный тренд доходных индикаторов в 2000–2003 гг. нельзя трактовать однозначно. Во-первых, как показывают расчеты (см. Таблица 1,

Рисунок 4), в 2002 г. произошло лишь восстановление докризисного (1998 г.) уровня реальных доходов населения. В этом смысле реальная положительная динамика доходов имела место лишь в течение 2003 г. Во-вторых, с точки зрения доходов население – не единый агрегат. И в контексте выделенных выше страт – низшие, средние, ниже среднего – динамика доходов и ее перспективы выглядят несколько иначе.

Материальное положение первой группы (низших и бедных) в значительной мере зависят от усилий правительства и социальных программ. В большинстве своем эти люди относятся к традиционно бедным категориям (пенсионеры, безработные, многодетные семьи, инвалиды и пр.), материальное положение которых в основном определяется мощностью государственных финансов и системы социальной защиты. В то же время существует относительно новая категория бедных – так называемые «работающие бедные», занятые главным образом в бюджетных секторах экономики, а также в депрессивных отраслях с абсолютно низким уровнем заработной платы, которая даже если и превышает прожиточный минимум, то никак не покрывает даже витальные потребности семьи. Рост доходов данной социальной группы – результат прямого государственного регулирования, осуществляемого посредством механизма индексаций минимальных пенсий, оплаты труда и размера пособий.

Рисунок 4. Уровень среднудушевых денежных доходов населения, заработной платы и пенсий к уровню 1997 г. (1997 г.=100%)

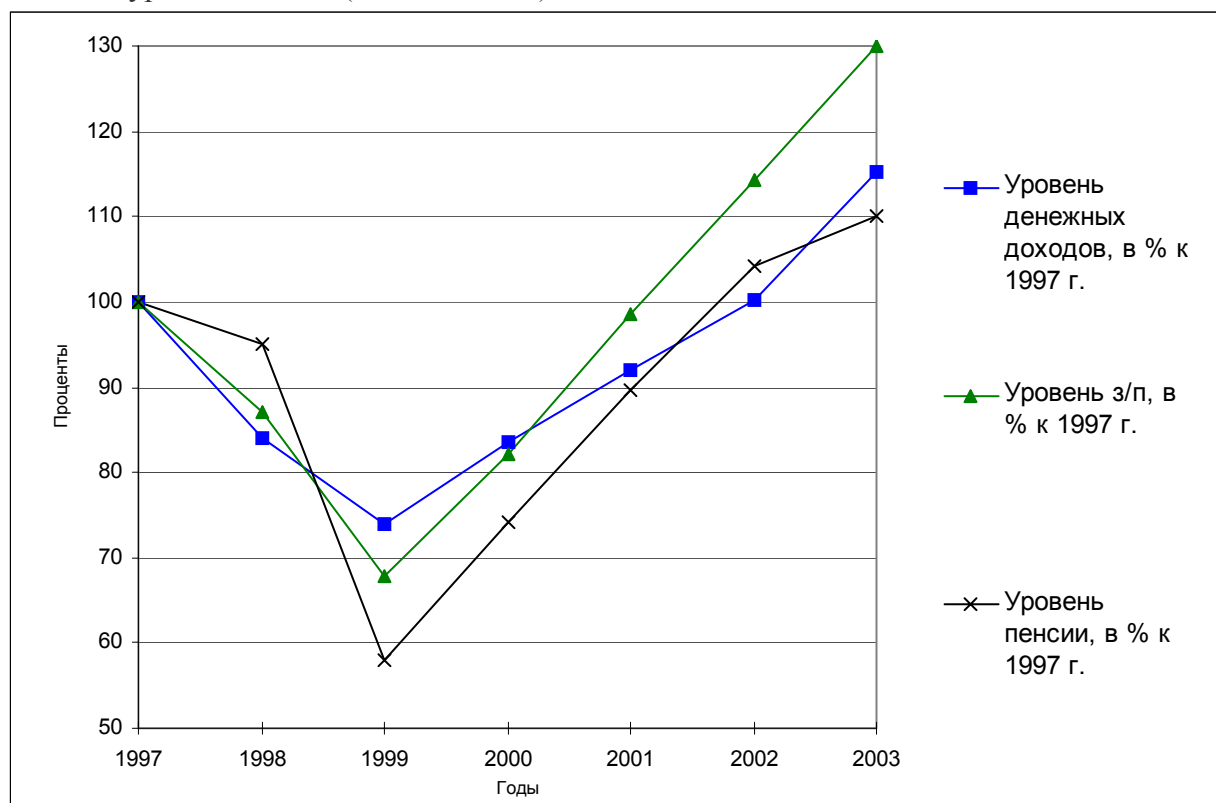

Таблица 1. Основные индикаторы уровня и динамики доходов населения в 1992–2003 гг.*

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Среднедушевые денежные доходы населения в ценах 2001 г., руб./мес.	2825,2	3277,2	3703,2	3110,7	3141,8	3330,3	2797,5	2461,8	2781,8	3060,0	3335,4	3819,0
Динамика реальных денежных доходов населения, в процентах к предыдущему году	52	116	113	84	101	106	84	88	113	110	109	114,5
Уровень денежных доходов к 1997 г. (1997 г. – 100%)	84,8	98,4	111,2	93,4	94,3	100,0	84,0	73,9	83,5	91,9	100,2	114,7
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в ценах 2001 г., руб.	4442,9	4460,7	4103,8	2954,8	3132,1	3288,7	2861,1	2231,7	2700,3	3240,4	3758,9	4149,8
Динамика средней начисленной заработной платы в процентах к предыдущему году	67	100,4	92	72	106	105	87	78	121	120	116	110,4
Уровень заработной платы к 1997 г. (1997 г. – 100%)	135,1	135,6	124,8	89,8	95,2	100,0	87,0	67,9	82,1	98,5	114,3	126,2
Размер средней месячной пенсии в ценах 2001 г., руб.	1070,6	1402,4	1360,4	1101,9	1201,1	1141,0	1084,0	661,2	846,4	1024,1	1188,0	1255,7
Динамика средней начисленной месячной пенсии в процентах к предыдущему году	52	131	97	81	109	95	95	61	128	121	116	105,7
Уровень пенсии к 1997 г. (1997 г. – 100%)	93,8	122,9	119,2	96,6	105,3	100,0	95,0	58,0	74,2	89,8	104,1	110,0
Минимальный месячный размер оплаты труда (на 1 января)	0,2	0,9	14,6	20,5	63,3	83,5	83,5	83,5	83,5	200,0	300,0	450,0
Индекс потребительских цен, декабрь к декабрю предыдущего года, %, (до 1996 г. в разгах)	26,1	9,4	3,2	2,3	121,8	111,0	184,4	136,5	120,2	118,6	115,1	112,0
ВВП в сопоставимых ценах, % к предыдущему году	85,5	91,3	87,3	95,9	96,6	100,9	95,1	105,4	109,0	105,0	104,3	106,7

* – доходы/зарплаты/пенсии представлены с учетом деноминации 1998 г.;

– в 2003 г. средний размер назначенных пенсий дан за октябрь 2003, динамика – октябрь 2003 к октябрю 2002;

– величина прожиточного минимума в 2003 г. дана за 3-й квартал;

– МРОТ в 1992 г. дан за декабрь 1991 г.; в 1993 г. за декабрь 1992;

– МРОТ с 1 октября 2003 г. составляет 600 руб./мес.;

– минимальный размер средней месячной пенсии в 1992–2001 годах дан как средневзвешенный за год;

– темпы роста ВВП в 2003 г.: январь–сентябрь 2003 г. к январю–сентябрю 2002 г.

Таблица 2. Индикаторы доходной дифференциации в 1992-2003 г.*

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Коэффициент Джини	0,289	0,398	0,409	0,381	0,387	0,401	0,399	0,4	0,399	0,396	0,398	0,402
Коэффициент фондов	8	11,2	15,1	13,5	13	13,5	13,8	14	13,8	13,8	14	14,4
Уровень бедности	33,5	31,5	22,4	24,7	22	20,7	23,3	28,4	29,1	27,6	25	21,9
Квинтильные распределения доходов												
1-ая группа (с наименьшими доходами)	6	5,8	5,3	5,5	6,2	5,9	6	6,1	6	5,9	5,6	5,6
2-ая группа	11,6	11,1	10,2	10,2	10,7	10,2	10,4	10,4	10,4	10,4	10,4	10,3
3-я группа	17,6	16,7	15,2	15	15,1	14,8	14,8	14,7	14,8	15	15,4	15,3
4-ая группа	26,5	24,8	23	22,4	21,6	21,6	21,2	20,9	21,2	21,7	22,8	22,7
5-ая группа (с наибольшими доходами)	38,3	41,6	46,3	46,9	46,4	47,5	47,6	47,9	47,6	47	45,8	46,1

* – уровень бедности в 2003 г. дан за 3-й квартал;
 – коэффициент Джини, коэффициент фондов и распределение денежных доходов по 20-ти процентным группам даны за период январь–сентябрь 2003 г.

Средние классы в своей массе включены в относительно эффективные экономические сектора. Это работники, занятые в основном в так называемом вторичном экономическом секторе – в организациях и компаниях, занимающихся внешнеэкономическими операциями, общей коммерческой деятельностью по обеспечению функционирования рынка, в банковской сфере, в области финансов, кредита и страхования. Лидеры по уровню заработной платы в реальном экономическом секторе – отрасли топливно-энергетического комплекса (главным образом, разумеется, нефтедобывающая и газовая промышленность), цветная металлургия, строительство и транспорт. Именно эти сектора ощутили реальные результаты экономического роста и отреагировали, в частности, повышением доходов и оплаты своих работников. Другими словами, экономическое оживление – явление не тотальное, а локальное, и фокусируется в отдельно взятых секторах, отраслях, регионах. Речь, следовательно, идет о том, что экономический рост прямо коснулся только этого сегмента рынка вообще и рынка труда в частности.

Об этом свидетельствуют, в частности, индикаторы доходной дифференциации (см. табл. 2). Именно в 2003 г. – первом году реального роста доходов населения – произошло заметное сокращение доли населения с доходами ниже прожиточного минимума (с 25% в 2002 г. до 21,9% в 2003 г.), но одновременно индикаторы доходного неравенства приблизились к уровням неблагополучных 1997–1999 гг., когда они достигали максимального значения: индекс Джини составил 0,402 и практически совпал со значением 0,401 в 1997 г., а фондовое соотношение составило 14,4 раз, что даже превышает наибольшую отметку 14 раз, достигнутой в 1999 г.

Что же касается наиболее проблемной социальной страты (70-процентной группы «ниже среднего»), то она оказывается вне зон действия обоих механизмов повышения доходов – экономического и социального. До этой группы импульсы, исходящие и от положительной экономической динамики, и от государственной политики регулирования доходов населения, либо не доходят вообще, либо доходят в ослабленном и усеченном виде⁴.

⁴ Строго говоря, деление населения на квинтильные (20-процентные) группы (см. табл. 2) не вполне совпадает с использованной выше методологией социальной стратификации, в основу которой наряду с уровнем доходов положен целый набор других факторов, причем характеризующих не только материальные активы, но и нематериальные ресурсные характеристики – уровень образования, положение на рынке труда, социальный статус. Однако на эмпирическом уровне

Следовательно, каждая политическая парадигма «работает» лишь на своем полюсном участке: политика прямого регулирования доходов достигает некоторого результата в зоне бедности, экономический рост способствует укреплению материального положения наиболее обеспеченных доходных групп. «Середина» оказывается наиболее уязвимым звеном и превращается в самую проблемную зону.

А это, в свою очередь, означает, что экономический рост отнюдь не автоматически решает проблему роста доходов населения и что возможности прямого регулирования доходов в действующей парадигме небезграничны. Сохранение этой парадигмы означает в лучшем случае стабилизацию ситуации в области доходов, но не сулит существенного улучшения материально-экономического положения основной массы российского населения. Это, в свою очередь, означает опасность консервации существующей социальной пирамиды.

1. Средние классы как наиболее успешная социальная группа получают возможность укреплять свое социально-экономическое положение и наращивать доходы, но не будут расти в количественном выражении;
2. Зона бедности будет иметь слабую тенденцию к сокращению, но, по-видимому, сохранит свои значительные масштабы;
3. Группа «ниже среднего» по-прежнему останется базовой социальной группой без четко очерченных перспектив вертикальной мобильности и выраженными рисками перемещения в зону бедности в случае негативных изменениях общей экономической конъюнктуры.

Проблема роста доходов населения – проблема не регулирования оплаты труда и социальной поддержки населения, как это традиционно понимается правительственными программами. В первую очередь это вопрос структурных и институциональных реформ. Проблема «работающих бедных», абсолютное большинство которых заняты в бюджетном секторе экономики и входят в состав слоя «ниже среднего», позиционируясь в нижних его сегментах, не может быть решена скромной индексацией оплаты труда бюджетников. Предельно ясно, что такое регулирование оплаты в лучшем случае не позволит этой социальной группе «свалиться» в зону открытой бедности, но отнюдь не решит проблемы достойного существования. Кардинальное решение проблемы – в реформе самого бюджетного сектора. Не будет также преувеличением утверждение, что Россия по-прежнему игнорирует существование такого огромного резерва, как развитие малого бизнеса. Несмотря на неоднократные декларации по поводу стимулирования этого процесса, роль малого бизнеса в экономике страны прискорбно низка. Доля мелких предпринимателей вплоть до настоящего времени не превышает 2–3% экономически активного населения. Как показывают социологические исследования, дело отнюдь не в ослабленном предпринимательском духе российских граждан и даже не в отсутствии инвестиций. Среди основных причин – сохранение большого числа административных барьеров, значительные транзакционные издержки, связанные с регистрацией юридических лиц, лицензированием деятельности, обязательной сертификацией товаров и услуг и пр., а также политические риски. Между тем, малый бизнес – это не только оживление целого ряда экономических секторов и не только развитие рыночной конкуренции. Это создание новых рабочих мест в количестве, которое несоизмеримо с беспомощными попытками искусственного конструирования рабочих мест на действующих предприятиях или столь же непродуктивными действиями по сохранению уже существующих, но неэффективных рабочих мест. Это – не зависящий от

высшая 20-процентная доходная группа на 70% совпадает с обобщенным средним классом, а низшие классы полностью входят в состав нижней 20-процентной группы. Следовательно, несмотря на отмеченные методические различия общие выводы относительно неоднородной динамики доходов населения сохраняют силу.

«нефтедолларов» рост доходов включенных в малый бизнес работников. Это реальный путь повышения экономической активности и материальной состоятельности российского населения.

Без такого рода преобразований социальная пирамида, в которой абсолютное большинство населения находится «между молотом и наковальней», не имея реальных экономических инструментов и надежных социальных гарантий, сохранится на долгие годы.